

Примечания

¹ См.: *Абакумов О.Ю.* Драматическая цензура и III отделение (конец 50-х — начало 60-х годов XIX века) // *Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. Вып. 1.* СПб., 2001. С. 66–76; *Абакумов О.Ю.* Развлечения горожан по донесениям российской тайной полиции (конец 1850-х — начало 1860-х гг.) // *Городская повседневность в России и на Западе. Сборник научных трудов.* Саратов, 2006. С. 127–147; *Абакумов О.Ю.* Интимная жизнь русских дворян: герой-любовник Н.Н. Тепленев и его жертвы // *Неофициальная жизнь горожан: Запад–Россия–Восток. Сборник научных трудов.* Саратов, 2007. С. 66–91; *Абакумов О.Ю.* Жандармы в борьбе со взяточниками // *Противодействие коррупции: государственная политика и гражданское общество. Сборник статей.* Саратов, 2015. С. 174–179.

² См., например: *Экшут С.А.* Надин, или Роман великосветской дамы глазами тайной политической полиции. М., 2001; *Экшут С.А.*

Ох, Анна Львовна! // *Родина.* 2013. № 3. С. 81–89.

³ Подробнее см.: *Бикташева А.Н.* Жандармы и модернизация местного управления в России (опыт и перспективы изучения) // *Quaestio Rossica.* 2015. № 2. С. 132–143.

⁴ См., например: *Зайончковский П.А.* Губернская администрация накануне Крымской войны // *Вопросы истории.* 1975. № 9. С. 33–51; *Гросул В.Я.* Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.

⁵ *Дризен Н.В.* Драматическая цензура двух эпох. 1825–1881. Пг., 1917.

⁶ См.: *Деревнина Т.Г.* III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1973; *Оржиховский И.В.* Самодержавие против революционной России. 1826–1880. М., 1982; *Романов В.В.* Политическая полиция Российской империи 1826–1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007.

Андрей Минаков

Новая книга о князе В.П. Мещерском*

Andrey Minakov

(Moscow State Pedagogical University, Russia)

A new book about Prince V.P. Meshchersky

DOI: 10.31857/S086956870001583-2

На протяжении длительного времени известный общественный деятель, литератор, издатель и публицист князь Владимир Петрович Мещерский изображался в историографии преимущественно как один из наиболее влиятельных царедворцев и изощрённых организаторов закулисных интриг в царствования Александра III и Николая II. Советские исследователи, как правило, придерживались ленинских оценок, согласно которым это был «самый консервативный, “делающий министров” писатель», «прошедший огонь и воду и медные трубы в различных высших чиновничьих “сферах” Петербурга»¹. Не противоречили данной характеристике и хлёсткие отзывы одного из наиболее цитируемых в советское время мемуаристов — гр. С.Ю. Витте, хорошо знавшего князя и не стеснявшегося в критических высказывани-

ях о нём. Неудивительно, что представления о кн. Мещерском долго оставались клишированными. Однако несмотря на явно односторонние суждения, и современники, и историки признавали, что он был заметной и яркой фигурой в политической элите пореформенной России.

В книге Н.В. Черниковой, ставшей результатом многолетней работы, впервые в отечественной историографии на основе широкого круга источников последовательно раскрывается и анализируется политическая и творческая биография кн. Мещерского — с первых его шагов в свете и на службе до смерти летом 1914 г. Черникова отмечает, что формирование образа жизни, стиля общения и круга повседневных занятий князя происходило в петербургских салонах, где он с молодости устанавливал нужные ему знаком-

* *Черникова Н.В.* Портрет на фоне эпохи: князь Владимир Петрович Мещерский. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 479 с., ил. (Люди России).

ства, сохранявшиеся затем десятилетиями (с. 39). Но ключевое значение имели его тесные контакты с Александром III и Николаем II. Для них беседы с кн. Мещерским, чтение его дневников и писем в известной степени компенсировали недостаток прямой связи с российской общественностью. Сам же князь придавал своей роли собеседника государственное значение (с. 309). Впрочем, по мнению Черниковой, многие «факты» влияния Владимира Петровича на деле объяснялись совпадением его советов с настроениями монархов (с. 429–430), а реальное воздействие князя на принятие царских решений часто преувеличивалось.

Кн. Мещерский во многом находил-ся под обаянием наследия своего великого деда — Н.М. Карамзина, к которому внук испытывал глубочайший пиетет. Вслед за ним князь идеализировал самодержавную монархию и абсолютизировал её значимость для России (с. 108–109), а в бюрократии, особенно столичной, усматривал чуждый элемент, препятствующий гармонии взаимоотношений царя и народа. Отсюда возникла его симпатия к неискущённым петербургскими страстями провинциалам, которым он с молодости пытался покровительствовать (с. 111–113).

Черникова аргументировано оспаривает историографические штампы. Так, признавая, что «для Мещерского... строгая дисциплина и отлаженный управленческий механизм, которые олицетворял собой Николай I, были безусловными ценностями» (с. 123), исследовательница указывает на неоднозначное отношение князя к николаевскому царствованию. Гораздо сильнее ему импонировали эпоха Екатерины II и её стремление возвысить общественно-политическую роль дворянства, фактически подорванную при Николае I (с. 124). Князю казалось, что истинное — поместное — дворянство, сохранившее патриархальную связь с землёй, должно стать «живой связью между престолом и народом, заменить собой на местах бездушный чиновничий аппарат и забывшее о народе земство» (с. 191). Однако для этого оно само нуждалось в экономической поддержке, утратив в пореформенные годы и сословное единство, и былые привилегии (с. 274).

По словам Черниковой, на протяжении всей своей жизни кн. Мещерский, несмотря на кажущиеся метаморфозы во взглядах, оставался верен усвоенным в юности идеалам. Обращаясь с рекомендациями к императорам и выпуская собственную газету-журнал «Гражданин», он учитывал политическую конъюнктуру, но в сущности

преследовал одни и те же цели — укрепление государственной власти, порядка и самодержавной монархии (с. 197), в которой видел не только элемент исторической традиции, но и единственную форму национального самовыражения (с. 268). Общество князь считал ещё не подготовленным к самостоятельной политической деятельности (с. 120). Одновременно он нередко противопоставлял себя чиновному миру, представители которого ревниво относились к бесцеремонному публицисту, вторгавшемуся в правительственные дела и не считавшемуся с ведомственными порядками и иерархией (с. 311).

Между тем потребность в постоянном и зачастую неофициальном взаимодействии чиновников и журналистов была обоюдной. И, как правило, такие отношения зависели от личных контактов и связей (с. 250). Пользуясь вниманием царя, своей репутацией и общественным положением, Мещерский не без успеха пытался выступать равноправным партнёром сановников, определявших политику самодержавия. Особенно ярко это проявилось в ходе противостояния Витте с В.К. Плеве, возглавившим в апреле 1902 г. МВД. Князю пришлось лавировать между ними, но «подозрения в интригах привели к охлаждению со стороны обоих министров» (с. 436). В результате кн. Мещерский всё же пошёл на сближение с Витте и заведующим Особым отделом Департамента полиции МВД С.В. Зубатовым, который был недоволен своим начальством. По словам директора Департамента полиции А.А. Лопухина, «мало-помалу дом Мещерского обратился как бы в конспиративную квартиру заговора против министерства Плеве», хотя, «посещая её, Зубатов и Витте в ней, однако, первоначально не встречались». Как позднее рассказывал Лопухину Плеве, летом 1903 г. «заговор против него на квартире Мещерского созрел настолько, что тремя конспираторами, уже начавшими собираться вместе для общих совещаний, было окончательно решено свергнуть его и на его место водворить самого С.Ю. Витте». Для этого «Зубатов составил письмо, как бы написанное одним верноподданным к другому и как бы попавшее к Зубатову путём перлюстрации. В нём в горячих выражениях осуждалась политика Плеве, говорилось, что Плеве обманывает царя и подрывает в народе веру в него, говорилось также о том, что только Витте по своему таланту и преданности лично Николаю II способен повести политику, которая оградила бы его от бед и придала бы блеск его царствованию. Это письмо Мещерский должен был передать Николаю II, как голос народа, и убедить его последовать пути, этим голосом указываемому». Однако Плеве узнал о замысле своих

противников и даже получил «копию сфабрикованного Зубатовым письма», которую сразу же представил императору². Участие Витте в этой интриге не могло не усилить и без того уже наметившееся разочарование в нём Николая II, что несомненно ускорило удаление Сергея Юльевича из Министерства финансов и назначение его на почётный, но не столь влиятельный пост председателя Комитета министров. Ещё ранее прервалась карьера Зубатова, который был уволен со службы и выслан под надзор полиции во Владимир. Но «старика Мещерского» Николай II по-прежнему продолжал изредка принимать вплоть до 1914 г.³ К сожалению, в монографии этот эпизод не получил освещения, хотя он выразительно характеризует и положение, и приёмы кн. Мещерского, и его весьма специфическую преданность своему монарху.

В целом, Н.В. Черниковой удалось дать обстоятельный и убедительный анализ по-

литической, общественной и литературной деятельности кн. В.П. Мещерского, оказавшегося на рубеже XIX–XX вв. активным участником и вместе с тем символом драматического заката империи.

Примечания

¹ Ленин В.И. ПСС. Изд. 5. Т. 24. С. 20–21; Т. 25. С. 64.

² Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 70–75. См. также: Примечания // Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. I. Кн. 2. СПб., 2003. С. 1026.

³ Дневники императора Николая II (1894–1918) / Под ред. С.В. Мироненко. Т. 1. М., 2011. С. 769, 807; Т. 2. М., 2013. Ч. 1. С. 451, 522, 637, 668, 705; Ч. 2. С. 8–9, 13, 16, 37.

* * *

Фёдор Мелентьев

Друг царских сыновей

Fedor Melentev

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

Friend of the Tsar's sons

DOI: 10.31857/S086956870001584-3

Князь В.П. Мещерский известен как консервативный журналист и общественный деятель, внук Н.М. Карамзина, друг юности Александра III и политический наставник Николая II, «работодатель» Ф.М. Достоевского в еженедельнике «Гражданин», а также мемуарист, воспоминания которого остаются одними из наиболее востребованных в историографии. При этом трудно назвать другого деятеля российской истории XIX – начала XX в. (за исключением, пожалуй, Г.Е. Распутина), чья общественная репутация была бы столь однозначно неприглядной. Возможно, именно с этим связано то, что до сих пор не существовало его сколько-нибудь полной научной биографии. Н.В. Черникова объясняет это, в частности, тем, что «Мещерский является удобной мишенью для критики, но сложной фигурой для исследования» (с. 124).

Поэтому появление рецензируемого труда не могло не стать заметным событием для исследователей политической истории России и русской мысли. Черникова давно и плодотворно изучает деятельность князя и опубликовала внушительную часть его эпистолярного наследия¹. Специалисты уже оценили не только значение писем кн. Мещерского к вел. кн. Александру Александровичу, но и высокое качество их издания².

Нельзя сказать, что кн. Мещерский обделён вниманием современных историков. Ему посвящены монографии А.С. Карцова, М.М. Леонова, И.Е. Дронова, И.А. Прониной³, естественно, полемизирующих друг с другом и по-разному характеризующих личность и мировоззрение князя, а также степень его влияния на сановников и августейших особ. При этом Черникова, как и Дро-